



Читайте в серии:

ПЕПЕЛ АННЫ

ЗВЕЗДОЛЁТ С ПЕРЕБИТЫМ КРЫЛОМ

МЕРТВЕЦ

КУСАТЕЛЬ ВОРОН

ЭДУАРД ВЕРКИН

КУСАТЕЛЬ ВОРОН



Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Веркин, Эдуард Николаевич.

В32 Кусатель ворон / Эдуард Веркин. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-521-85781-4

Эдуард Веркин – один из ярких современных российских авторов, лауреат престижных литературных премий, настоящий наследник традиций Чехова, Платонова, Лема, братьев Стругацких, Дика, Брэбери. В 2012 году роман Веркина «Друг-апрель» был включен в список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой.

Роман «Кусатель ворон» поначалу строится как классическая «роуд стори»: приключения подростков во время путешествия по Золотому кольцу. Но постепенно одно происшествие за другим вскрывают привычную им реальность. Мир перестает подчиняться правилам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-521-85781-4

© Веркин Э., 2019
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Золотое кольцо

ГЛАВА 1

«Turistas! Go Home!»

Тег «Культура».

Сидеть бы мне дома, так нет, потащился.

Сидеть бы мне дома, июнь к концу, вот-вот колосовики пошли бы, и рыба, не размякшая от прошедшего зноя, ещё клевала, и вообще — жизнь! Так нет, потащился.

Зачем?

Амбиции. Гордыня. Зависть. Возжелал плюнуть ближнему своему в физиономию лица его. Возжаждал возвыситься и вознестись, чтобы все ко мне приходили, а я им в глаза показывал бы кукиш и громко хохотал с превосходством, ну, это если совсем по-простому объяснять. Как-то так.

— Как-то так, — сказал Жмуркин и достал из кармана пистолет.

Вот уж такого от него точно не ожидал. Пистолет... Зачем ему пистолет?

Ну да. Амбиции, гордыня, в глаза плевать, перстень целовать, понятно. Это же Жмуркин, он же всегда такой.

Жмуркин ухмыльнулся.

Художники настороженно переглянулись. Не ожидали, конечно, не ожидали, я сам не ожидал.

Пистолет.

Бомм!

Такой долгий протяжный звук, бронзу опять дёрнули за язык, малиновый звон поплыл, хотя и полдень. В церкви звонили, в самой известной, в покосившейся, как Пизанская башня, красиво так звонили. И вообще тут красиво, горка, горки, трава, Волга, теплоход тащится справа налево, а на другом берегу уже Кострома со своей дичью, и вообще благодать. Тощий чугунный Левитан, широкий бронзовый Шаляпин взирают на скучных потомков с послеобеденной приветливостью... Зачем тут пистолет?

Зачем вообще всё это? От Дитера не ожидал, если честно. Пятахин да, ходячий трабл-генератор, ну, Лаурыч тоже, мог вполне с дебаркадера в водоросли свалиться, Иустинья опять же с утра подозрительно глазками поблёскивала... Но Дитер? Дитер-Дитер.

Немец.

Живописец.

В конце концов, инвалид.

И на́ тебе, учудил.

Вот и верь после этого.

— Ну, что, рембранты, стоит вам отступить, пожалуйста, — посоветовал Жмуркин. — И вон по той каменистой тропинке прямо под горку, под горку, ножками, там прекрасная чайная с бесплатным лимонном. Выпейте чаю, поспорьте о Малевиче, я, право, оплачу...

Жмуркин достал пятьсот рублей, скомкал, швырнул в сторону живописцев.

Это он зря, подумал я. Художники — народ трепетный, побьют. Ладно нас, мы люди русские, привычные, но ведь и Дитеру отсыпется. В обязательном порядке, по шам его по бестолковым. А это международный скандал, между прочим.

Я представил заголовки в какой-нибудь там «Зюддойче Цейтунг».

«Русские ортодоксы избивают малолетних туристов-инвалидов».

«Русское brutальное насилие над юношей из Бохума».

«Загадочного русского душа» — это не в тему, но красиво.

— Бегите, пока я добрый, — продолжал Жмуркин. — А то как-то некрасиво, я в Дантесы не записывался...

— А мне вот кажется, мы сейчас надаём вам по морде, — перебил Жмуркина предводитель художников Ривейра. — Пистолетик-то у тебя игрушечный.

— Игрушечный? — Жмуркин ухмыльнулся роковой улыбкой уездного монте-кристы. — Ну ладно, сейчас вот мы и посмотрим...

Жмуркин выстрелил. Невысокий художник в коротких шортах подпрыгнул и ойкнул, оранжевая пластиковая пуля укусила его в ляжку, отскочила в траву.

— Я же говорил — игрушечный! — ухмыльнулся главный рембрант. — Ну, всё...

— Стоять! — рывкнул Жмуркин начальственным. — Кто не хочет провести чудный вечер в обезьяннике — стоять!

Но обезьянником живописцев было не испугать, они дружно шагнули к нам и стали нас бить. А начиналось всё более-менее прилично, во всяком случае, утром ничего беды не предвещало.

Въехали в Плёс часов в десять, остановились на высоком берегу с видом на заводь, Жмуркин велел Штурмгеботу бросать якорь, сам взял автобусный микрофон и прочитал непременно лекцию, которую я, разумеется, вкратце записал, историческую такую.

— Это Плёс, старинный русский город, — рассказывал Жмуркин. — Тут течёт великая русская река Волга. Раньше на этом месте устраивал свои засады известный русский разбойник Степан Разин...

— Тёзка! — не преминул вставить Пятахин.

Хотя Пятахин не Степан, он Влас, впрочем, он сам, наверное, не разбирает.

— Некоторые считают, что именно здесь атаман спрятал своё золото и утопил пресловутую персидскую княжну.

— Что? — переспросила у меня Александра.

— Подружку свою затопил, — пояснил я. — В реке. Вот прямо здесь.

— Зачем? — удивилась Александра.

— Загадочная русская душа, — сказал я. — А вообще, она слишком много знала.

— Как его звали? Стефан?

— Стефан, Стефан, — подтвердил я. — Стефан Разин-Беобахтер, оддест рашн диссидент.

— О, — восхитилась Александра и записала данные Разина в планшет.